

УДК 343.163 «18/19»

В. П. Горбачев

**ПРЕДЕЛЫ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРАТУРЫ НА
ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПОСЛЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА**

В статье анализируются пределы полномочий прокуратуры на возбуждение уголовного преследования в Российской империи после судебной реформы 1864 года. Рассмотрено содержание «активной» и «пассивной» зависимости прокурора в вопросах возбуждения уголовного преследования. Сделан вывод о том, что удельный вес преступлений, по которым прокурор не имел право возбуждать уголовное преследование по собственной инициативе, был незначительным и постепенно сокращался.

Ключевые слова: *судебная реформа, прокуратура, мировой суд, общие суды, возбуждение уголовного преследования, преступление.*

Постановка проблемы. Одним из главных теоретических и практических вопросов уголовного процесса является вопрос о возбуждении уголовного производства и роли в этом прокуратуры. Разные системы уголовного судопроизводства решают его по-разному. В связи с этим полезным является изучение исторического опыта Российской империи, где после проведения судебной реформы 1864 года при наличии достаточных оснований прокуратура не только имела право, но и была обязана возбудить уголовное преследование.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам возбуждения уголовного преследования в досоветский период уделяли внимание такие ученые и практики, как Н.А. Буцковский, С.И. Викторский, Н.В. Давыдов, М.В. Духовской, А.Ф. Кони, А.А. Квачевский, А.С. Лыкошин, Н.В. Муравьев, Н.А. Неклюдов, Н.Н. Розин, В.К. Случевский, А.А. Соколов, И.Я. Фойницкий, А.П. Чебышев-Дмитриев, И.Г. Щегловитов и др. В советский и современный периоды разным аспектам деятельности прокуратуры в уголовном процессе посвящены работы В.Г. Бессарабова, А.В. Верещагиной, В.Б. Виленского, Ю.М. Горячковой, А.Г. Звягинцева, С.М. Казанцева, А.В. Карякина, О.А. Кожевникова, М.Г. Коротких, А.Г. Короткова, К.П. Краковского, С.В. Лонской, М.В. Немытиной, В.А. Никонова, Р.В. Савуляка, В.В. Сухоноса, Д.А. Сычева, А.Н. Ярмыша и др. Однако в современных исследованиях недостаточное освещение получили ограничения, которые существовали для прокуратуры в вопросах возбуждения уголовного преследования.

Формирование целей. Целью данной статьи является выяснение пределов полномочий прокуратуры на возбуждение уголовного преследования в Российской империи после судебной реформы 1864 года.

Изложение основного материала. В результате проведения в Российской империи судебной реформы прокуратура не получила монополии в вопросах возбуждения уголовного преследования (в отличие, например, от прокуратуры Франции). Кроме прокуратуры право возбуждать преследование получили и другие органы, а также частные лица.

При этом прокурор имел право возбуждать дела не по всем преступлениям. Для некоторых видов преступлений закон устанавливал особый порядок возбуждения уголовного преследования без участия прокурора.

Право прокуратуры возбуждать уголовное преследование зависело от характера преступления и его подсудности. В результате судебной реформы такое право прокуратуре было предоставлено только по делам, подсудным общим судам. Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС) не предусмотрел право прокурора возбуждать уголовное преследование по делам, подсудным мировым судам. А количество таких дел было больше, чем дел, подсудных общим судам. Например, в 1890 году по всем делам, рассмотренным судами, в мировых судах было 56,5%, а в общих судах 43,5% всех подсудимых [1, с. 282].

В соответствии со ст. 42 УУС, мировой судья приступал к разбирательству дел по жалобам потерпевших, по сообщениям полицейских и других административных властей или по непосредственно усмотренным им преступным действиям. Сообщение прокурора как повод для начала дела мировым судьей закон не предусматривал. Несмотря на это, фактически прокуроры направляли по подсудности поступавшие к ним жалобы потерпевших, которые подлежали рассмотрению мировыми судьями. В связи с этим на практике возникал вопрос, имеют ли прокуроры право возбуждать дела у мирового судьи. Ответ не был однозначным.

Н.А. Неклюдов не признавал право прокурора возбуждать дела у мировых судей. В 1867 году он в своем «Руководстве для мировых судей» разъяснял, что сообщение прокурора не является поводом к началу преследования и что мировой судья не вправе принять к производству и решению дело по заявлению прокурора, так как прокурор не является полицейской или административной властью, а является обвинительной властью, предназначенной для обвинения только в тех судебных местах, при которых она состоит [2, с. 4, 84]. Право прокурора возбуждать преследование непосредственным обращением к мировому судье отрицали И.Г. Щегловитов, А.С. Лыкошин и другие [3, с. 79].

В отличие от указанной позиции судебная практика на основании одного из решений уголовного кассационного департамента Сената 1869 года признавала за прокуратурой право возбуждать уголовное преследование по делам мировой подсудности. Однако эта практика была изменена законом от 1 мая 1884 г., предусмотревшим право прокурора поручать полиции возбуждение преследования виновного перед мировым судьей (ст. 253 УУС) [4, с. 2]. В связи с этим И.Г. Щегловитов отмечал, что прокуратура на практике не нуждалась в признании за нею права на возбуждение дел у мировых судей, так как фактически это право прокуратуре принадлежало косвенным образом, через полицию, которая при производстве дознания находилась под непосредственным наблюдением и руководством прокуратуры [5, с. 23-24]. В 1900 году в материалах правительственной комиссии, созданной для пересмотра законов по судебной части, отмечалось, что указанный порядок возбуждения

прокуратурой дел у единоличных судей через полицию окончательно установился на практике [4, с. 2]. Однако этот порядок был изменен законом от 15 июня 1912 года, который дополнил статью 42 УУС и прямо указал, что сообщение прокурора является поводом для начала рассмотрения дел мировым судьей [6, с. 695]. С учетом этого представление прокурором указанных сообщений мировому судье профессор Н.Н. Розин рассматривал как акт возбуждения преследования [7, с. 405].

Однако, несмотря на указанные изменения закона, мировой судья В.Н. Челищев не считал сообщение прокурора самостоятельным поводом для начала дела. В комментарии к Уставу уголовного судопроизводства он отметил, что указанное дополнение закона внесено из чисто практических соображений, и отмеченное положение закона следует понимать не как предоставление лицам прокурорского надзора самостоятельного права по их усмотрению непосредственно возбуждать дела у мировых судей, а лишь как упоминание об их обязанности передать по подсудности мировому суду заявление потерпевшего, ошибочно обратившегося к прокурору, а не к судье [9, с. 207, 209-211].

По общему правилу полномочия возбуждать уголовное преследование прокуратура имела по делам, подсудным общим судам. В то же время и по этим делам закон предусмотрел ряд преступлений, по которым возбуждение уголовного преследования не входило в компетенцию прокурора. Профессор И.Я. Фойницкий отмечал, что в России самостоятельность прокуратуры в возбуждении уголовного преследования была значительно уже, чем в западных странах. Несмотря на принцип независимости прокуратуры, в своей деятельности по возбуждению уголовного преследования прокурор в некоторых случаях был поставлен в определенную зависимость от решений других учреждений [8, с. 6, 15].

Теория процесса в вопросах возбуждения уголовного преследования выделяла «активную зависимость» прокуратуры (когда требование других лиц и учреждений о возбуждении преследования возлагало на прокуратуру обязанность сделать это) и «пассивную зависимость» прокуратуры (когда она не имела права приступить к преследованию без требования об этом иного лица или учреждения) [8, с. 6-7, 15-16].

По поводу активной зависимости профессор Н.Н. Розин отмечал, что в этих случаях прокурор был лишен права обсуждать достаточность оснований для возбуждения уголовного преследования и должен был повиноваться органу, предложившему возбудить преследование [7, с. 247]. Профессор И.Я. Фойницкий указывал, что активная зависимость прокуратуры наступала по предписаниям вышестоящих прокуроров, по преступлениям против правил о печати и по обязательным для прокуратуры определениям судебных мест о возбуждении уголовного преследования [8, с. 16-17]. Например, в Наказе министра юстиции чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов 1896 года указывалось, что по вопросам возбуждения уголовного преследования они безусловно подчинялись распоряжениям и указаниям начальства [10, с. 3]. Обязательными для прокуратуры были и определения судебной палаты о предании суду такого обвиняемого, о котором прокурор окружного суда полагал прекратить дело (ст. 539 УУС), а

также о предании суду должностных лиц судебного ведомства за должностные преступления (ст.ст. 1079, 1080 УУС) [8, с. 16].

Прокурор обязан был начать преследование также по сообщениям Главного управления по делам печати и цензурных комитетов, других учреждений и должностных лиц о преступлениях и проступках, совершенных посредством печати (ст. 1213⁸ УУС). И если относительно сообщений органов по делам печати была установлена процедура пререканий прокурора (ст. 1213⁸ УУС), то относительно обязанности прокурора начать преследование по сообщениям и жалобам учреждений и должностных лиц об оскорблении их в печати закон не делал никаких оговорок. По свидетельству ревизионных отчетов по округам Киевского и Одесского окружных судов, положение закона, обязывавшее прокурора безусловно возбуждать дела по нарушениям постановлений о печати по всем жалобам, объявлениям или сообщением присутственных мест, установлений и должностных лиц, создавало практические неудобства, так как не все они были обоснованными и часто не содержали указания на какое-либо преступление. Поэтому на практике в некоторых случаях должностным лицам отказывалось в начале предварительного следствия [19, с. 620-611].

Пассивная зависимость прокуратуры означала, что, несмотря на наличие всех данных для возбуждения преследования, прокурор не имел право начать дело без соответствующей жалобы, разрешения или требования указанных в законе учреждений и лиц [7, с. 247-248]. Эти ограничения относились к делам частно-публичного обвинения, а также к некоторым делам, для которых был предусмотрен особый порядок уголовного судопроизводства. По некоторым таким преступлениям предварительное следствие могло начаться только по требованиям тех учреждений, которым было предоставлено исключительное право на возбуждение в этих случаях судебного преследования. Профессор А. Чебышев-Дмитриев указывал, что в особых порядках судопроизводства власть многих указанных в законе мест и лиц на возбуждение уголовного преследования исключала такое право прокурора. Закон делил все преступные деяния на несколько групп, и возбуждение преследования по каждой из них предоставлял исключительно тем или другим должностным и частным лицам [12, с. 106, 184].

Профессор И.Я. Фойницкий отмечал, что в случаях пассивной зависимости прокуратуры отсутствие соответствующей жалобы, требования или разрешения составляло препятствие для возбуждения преследования. А преследование, возбужденное при наличии указанного препятствия, признавалось недействительным, и все вызванное им производство подлежало отмене [8, с. 17].

Прокурор был лишен права возбуждать уголовное преследование по своей инициативе по частно-публичным делам, по делам о некоторых преступлениях против веры, о нарушениях уставов казенных управлений, о некоторых нарушениях общественного благоустройства и благочиния, по делам о должностных преступлениях, а также в некоторых других случаях.

Роль прокурора в возбуждении уголовного преследования зависела от вида этого преследования – публичного, частного или частно-публичного. Прокурор возбуждал только дела публичного обвинения, а дела частного и частно-публичного обвинения он возбуждать не имел право, так как эти дела возбуждались только потерпевшими лицами.

По делам о некоторых преступлениях против веры (о совращении из православия или отступлении от христианской веры) предварительное следствие начиналось только по требованию духовного начальства (ст. 1006 УУС). Такой порядок соответствовал существу дел этого рода. При подготовке судебной реформы отмечалось, что преследовать за сектантство можно было только тогда, когда духовная власть признала, что в конкретном случае есть сектантство. До этого следствие не могло быть начато, потому что не решен вопрос, преступно ли само событие, о котором идет речь. А преступность или непроступность его зависела от того, признано ли духовной властью конкретное действие или конкретное учение противоречившим религии и церкви [13, с. 361-362]. Только духовная власть имела право и была обязана разрешать в каждом конкретном случае вопрос, требует ли интерес церкви уголовного преследования, несмотря на то, что факт совращения доказан. Светская власть не могла приступить к судебному преследованию без формального требования духовной власти [14, с. 243]. Если же дело было возбуждено без такого требования, то состоявшееся по нему решение подлежало отмене [15, с. 874]. В то же время правило о начале предварительного следствия только по требованию духовного начальства не применялось по делам о распространителях ересей, признанных особенно вредными, и о совратившихся в такие ереси, которые были соединены со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою и других или же с противонаравственными, гнусными действиями. По таким делам предварительное следствие начиналось и без требования духовного начальства (ст. 1007 УУС). Закон от 1 мая 1884 года эту норму изменил и уточнил, что правила статьи 1006 УУС не применялись по делам о распространителях скопческой ереси и о совратившихся в скопчество и другие ереси указанного выше вида [16, с. 270].

Дела о преступлениях и проступках против имущества и доходов казны (о нарушениях уставов казенных управлений) возбуждались соответствующими должностными лицами этих управлений, а также полицией в пределах власти, предоставленной ей соответствующими уставами (ст. 1129 УУС). Например, за нарушения питейного устава дело возбуждал надсмотрщик акцизного управления, дела о нарушениях гербового сбора возбуждались казенными палатами, о нарушениях лесного устава – лесничими, о нарушении таможенного устава – чинами таможенного ведомства (ст. ст. 1132, 1133 УУС) [11, с. 766-767]. Лица судебного ведомства, в т.ч. прокуроры, не имели право возбуждать преследование по таким делам. Мотивом этого было то, что они не имели специальных прав, которые позволяли бы им выявлять нарушения уставов казенных управлений (право проверять фабрики и заводы и т.п.), а доходившие до них

сведения требовали удостоверения факта нарушения, которое входило в обязанности казенного управления [13, с. 436].

По некоторым делам о нарушениях общественного благоустройства и благочиния, т.е. о нарушениях специальных уставов административных управлений, уголовное преследование возбуждалось этими управлениями. Например, право возбуждения преследования за соответствующие нарушения принадлежало в пределах своего ведомства полиции, казенным палатам, земским и городским управам, должностным лицам по делам печати, чиновникам лесного ведомства, земским участковым начальникам и т.п. (ст.ст. 1213⁴, 1216¹⁻³, 1216⁶ УУС). Например, в соответствии с законом от 12 декабря 1866 года «О порядке судопроизводства по делам печати» (ст. ст. 5 и 7), обязанность возбуждать преследование по преступлениям и проступкам, совершенным посредством печати, лежала на Главном управлении по делам печати и цензурных комитетах. Исключение составляли только случаи оскорбления в печати присутственных мест, установлений и должностных лиц, в которых преследование виновного возбуждалось прокурором, но только по жалобе, объявлению или сообщению потерпевших. Если же дело об оскорблении присутственного места было возбуждено прокурором без такой жалобы, то приговор подлежал отмене [11, с. 805].

Особый порядок возбуждения уголовных дел был в военной сфере. Военный и военно-морской прокуроры не имели право своей властью возбуждать уголовное преследование по делам военного и морского ведомств. Это объяснялось особенными условиями военной службы, в связи с которыми «без потрясения порядка службы и дисциплины» невозможно было предоставить право начинать в военном ведомстве судебное преследование без ведома и разрешения военного начальства [17, с. 325]. В результате закон установил, что судебное преследование в военном и морском ведомствах возбуждалось только военными и военно-морскими начальниками, предварительное следствие проводилось только по их распоряжению (ст. ст. 214, 253, 434 Военно-судебного устава, ст. ст. 207, 244, 425 Военно-морского судебного устава). А сообщения военных и военно-морских прокуроров были только одним из поводов к распоряжению военных и военно-морских начальников о начале предварительного следствия (ст. 409 ВСУ, ст. 400 ВМСУ).

В отношении некоторых должностных лиц возбуждение уголовного преследования зависело от усмотрения императора. На его усмотрение представлялись донесения и жалобы, содержавшие обвинения в преступных деяниях, совершенных членами Государственного Совета и Государственной Думы при исполнении или по поводу исполнения ими служебных обязанностей, а также в должностных преступлениях высших чинов, занимавших должности первых трех классов [18, с. 471, 473].

Среди дел, по которым был установлен особый порядок возбуждения уголовного преследования, наибольший удельный вес занимали дела о должностных преступлениях. Возбуждение преследования за такие

преступления по административному ведомству зависело от усмотрения начальства должностного лица, а прокуратура была лишена инициативы в возбуждении такого преследования. В случае поступления к прокурору жалобы или заявления он мог только направить их соответствующему начальству; при этом, если они оставались без последствий, то прокурор даже не извещался об этом. Такой порядок критиковался современниками. Например, в ревизионном отчете по округу Одесского окружного суда отмечалось, что, если ограничение права прокуратуры по возбуждению уголовного преследования по делам о преступлениях против веры, по делам, сопряженным с интересами казны, и по делам военнослужащих оправдывалось исключительностью и особенностями этих дел, затрагивавших вопросы религии, интересы фиска или положение лиц военного ведомства, в котором имели особое значение требования военной дисциплины, то ограничение относительно должностных преступлений «едва ли оправдывается целесообразностью» [19, с. 603-605, 611].

Статистические данные свидетельствуют о том, что среди дел, подсудных общим судам, дела, по которым прокурор не имел право по своей инициативе возбуждать уголовное преследование, составляли незначительный удельный вес. Например, в 1890 году религиозные преступления составляли 0,8% всех дел, нарушения разных уставов казенных управлений – 1,4%, преступления против правил печати – 0,1%, наибольший удельный вес составляли служебные преступления – 4,3% [20, с. 32]. А к 1910 году эти низкие показатели еще более снизились [21, с. 210-215].

Перечень преступлений, по которым в вопросах возбуждения уголовного преследования прокурор находился в пассивной зависимости, не был постоянным. С одной стороны, появлялись новые категории таких дел (например, в результате проведения земской и городской реформ 1890 и 1892 годов возбуждение судебного преследования за нарушения обязательных постановлений возложено на земские и городские управы). А с другой стороны, по некоторым преступлениям, по которым прокурор ранее не имел право возбуждать уголовное преследование по своей инициативе, в связи с изменением законодательства он такое право получил.

По закону от 12 декабря 1866 года «О порядке судопроизводства по делам печати» (ст. 5), обязанность возбуждать преследование по преступлениям и проступкам, совершаемым посредством печати, лежала на Главном управлении по делам печати и цензурных комитетах. Несмотря на это, судебная практика исходила из того, что прокурор также имел право возбуждать дела этой категории по своему непосредственному усмотрению [22, с. 892, 894]. А в дальнейшем право возбуждения дел данной категории прокурору было предоставлено и в законодательном порядке: законом от 24 ноября 1905 года (ст. 12) установлено, что судебное преследование по преступным деяниям, совершенным посредством печати, возбуждалось или по сообщениям учреждений и должностных лиц по делам печати, или по непосредственному предложению прокурора [23, с. 838]. До 1906 года по делам о совращении из православия или отступлении от христианской веры предварительное следствие начиналось только по требованию духовного

начальства. Однако после декриминализации законом от 14 марта 1906 года [24, с. 261] многих преступлений против веры изменились и процессуальные условия возбуждения этих дел. Признав, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию, законодатель распространил на преступления против веры общие условия возбуждения уголовного преследования (ст. 297 УУС) [25, с. 461].

Выводы. После проведения судебной реформы закон предусмотрел определенные категории дел, по которым прокурор не имел право возбуждать уголовное преследование по собственной инициативе: дела, подсудные мировым судам, и дела о некоторых преступлениях, подсудных общим судам. В дальнейшем по делам мировой подсудности закон предусмотрел вначале косвенное право прокурора возбуждать дела у мировых судей путем дачи соответствующего поручения полиции, а затем с учетом судебной практики прямо предусмотрел, что сообщение прокурора является законным поводом для рассмотрения дела мировым судьей. Удельный вес преступлений, подсудных общим судам, по которым прокурор не имел право возбуждать уголовное преследование по собственной инициативе, был незначительным и постепенно сокращался.

Использованные источники:

1. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874-1894 гг.) / сост. Е.Н. Тарновский. – СПб. : Тип. Правит. Сената, 1899. – 414 с.
2. Неклюдов Н. Руководство для мировых судей : Устав уголовного судопроизводства / Н. Неклюдов. – СПб. : Тип. Н. Тиблена и К^о (Н. Неклюдова), 1867. – 337 с.
3. Лыкошин А.С. Преследование судебное // Энциклопедический словарь. – Том. XXV. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб. : Типо-литография И.А. Ефрона, 1898.
4. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части : Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. Том I. Общие положения и подсудность. – Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1900. – 292 с.
5. Щегловитов И. Из уголовной практики мирового суда / И. Щегловитов // Журнал гражданского и уголовного права. – 1887. – Кн. 5 (май).
6. О преобразовании местного суда : Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон 15 июня 1912 года // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 3-е. – Т. 32. – Отд. 1. – Петроград, 1915. – № 37328.
7. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство : Пособие к лекциям / Н.Н. Розин. – СПб. : Изд. юрид. книжн. склада «Право», 1914. – 547 с.
8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. – Т. 2 / И.Я. Фойницкий. – СПб. : Изд-во «Альфа», 1996. – 607 с.
9. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общей ред. проф. М.Н. Гернета. – Вып. I : Ст. ст. 1-84. – М.: Изд. М.М. Зива; Тип. «Культура», 1914. – 306 с.
10. Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. – СПб. : Тип. Правит. Сената, 1896. – 118 с.

11. Устав уголовного судопроизводства. Издание 1914 года с всеми позднейшими узаконениями и с объяснениями по решениям уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената по 1916 год / сост. Д.А. Каплан. – Екатеринослав: Тип. И.Е. Коган, 1916. – 938 с.

12. Чебышев-Дмитриев А. Русское уголовное судопроизводство по Судебным уставам 20 ноября 1864 г. / А. Чебышев-Дмитриев. – СПб.: Изд. В.П. Печаткина, 1875. – 756 с.

13. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – Часть 2. – СПб. : Издание Гос. канцелярии; Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1866. – 504 с.

14. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с разъяснением их по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената 1866, 1867, 1868 и 1869 гг. – СПб. : Тип. Ю.А. Бохрама, 1870. – разд. паг.

15. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. / сост. С. Г. Щегловитов. – СПб.: Тип. Т-ва М.М. Стасюлевича, 1887. – 1143 с.

16. Об изменениях в Своде законов, вызываемых согласованием статей его с узаконением о даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 1 мая 1884 года // ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 4. – СПб., 1887. – № 2189.

17. Объяснительная записка к проекту военно-судебного устава // Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. – СПб., 1867.

18. Учреждение Государственного Совета : Высочайше утверждено 24 апреля 1906 г. // ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 26. – Отд. 1. – СПб., 1909. – № 27808.

19. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. Т. 3: Свод ревизионных отчетов. – СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1897. – Раздел 2.

20. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1890 году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II. В трех частях. СПб.: Изд. министерства юстиции; Тип. Правит. Сената, 1895. – разд. паг. – Часть 1. – 37 с.

21. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 26. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России за 1910 год. – СПб. : Изд. первого деп. министерства юстиции по 3-му делопроизводству стат. отделения; Сенатская тип., 1912. – 432 с.

22. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Прав. Сената и циркулярами Министра Юстиции / сост. В. Ширковым под ред. М. Шрамченко. – СПб.: Изд. Юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова; «Центральная» типо-литография М.Я. Минкова, 1899. – 948 с.

23. О временных правилах о поврежденных изданиях : Именной Высочайший указ от 24 ноября 1905 года // ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 25. – Отд. 1. – № 26962. – СПб., 1908.

24. О согласовании некоторых постановлений Свода законов с Высочайше утвержденными 17 апреля 1905 года положениями Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 14 марта 1906 года // ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 26. – Отд. 1. – СПб, 1909. – № 27559.

25. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. Изд. четвертое, доп. и исправл. / В. Случевский. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 670 с.

Стаття надійшла до редколегії 07.11.2016

Горбачов В.П. Межі повноважень прокуратури на порушення кримінального переслідування в Російській імперії після судової реформи 1864 року

У статті проаналізовано межі повноважень прокуратури щодо порушення кримінального переслідування в Російській імперії після судової реформи 1864 року. Розглянуто зміст «активної» і «пасивної» залежності прокурора з питань порушення кримінального переслідування. Зроблено висновок, що питома вага злочинів, по яких прокурор не мав права порушувати кримінальне переслідування з власної ініціативи, була незначною та поступово скорочувалася.

Ключові слова: *судова реформа, прокуратура, мировий суд, загальні суди, порушення кримінального переслідування, злочини.*

Gorbachev V. P. Limits of authority of the Prosecutor's office to initiate criminal prosecution in the Russian Empire after the judicial reform of 1864

After the judicial reform of 1864, the Prosecutor's office did not have a monopoly to initiate criminal prosecution. In addition to the Prosecutor's office the right to initiate of prosecution received and other bodies and individuals. The Prosecutor did not have right to initiate the prosecution in cases under the jurisdiction of magistrate's courts, and in some cases under the jurisdiction of the common courts.

We analyzed the concepts «active» and «passive» dependence of the prosecutor in matters of the initiation of criminal prosecution in cases under the jurisdiction of the common courts. «Active dependence» of the Prosecutor's office assumed its duty to initiate criminal prosecution upon request of other competent agencies and individuals (according to the instructions of superior prosecutors, on court decisions, etc.). «Passive dependence» of the Prosecutor's office meant that she had no right to start proceedings without the requirement of this other authorized persons or institutions. The Prosecutor did not have right to initiate criminal proceedings on its own initiative in private-public affairs, in some religious crimes, in cases of malfeasance, on violations by private individuals the statutes of the state offices, some violations of public improvement and the decorum, and some other violations. The list of crimes for which in matters of criminal prosecution the Prosecutor was in passive dependence was not constant and changed.

Later on, in cases under the jurisdiction of magistrate's courts, the law has provided the first indirect right of the Prosecutor to initiate proceedings in a magistrate's court by giving appropriate instructions to the police and then taking into account the judicial practice provided that the message of the Prosecutor is a legitimate reason for the consideration of the case by a magistrate. The specific gravity of the crimes under the jurisdiction of the *common* courts in which the Prosecutor had no right to initiate criminal prosecution on their own initiative, was insignificant and gradually declined.

Key words: *judicial reform, the Prosecutor's office, magistrate's court, common courts, the initiation of criminal prosecution, crime.*